

Цѣнность религіи.

Съ точки зрѣнія современнаго воинствующаго атеизма, религія вообще и христіанство, въ частности, представляетъ собою пережитокъ, который, вмѣстѣ съ произведшимъ его строемъ, подлежитъ уничтоженію. Въ теоретическомъ отношеніи, религія, по этому взгляду, есть плодъ недомыслія, попытка дѣтскихъ умовъ объяснить себѣ загадки природы, понять происхожденіе міра, опредѣлить въ немъ свое мѣсто и т. д. Съ прогрессомъ научнаго знанія наивный характеръ этой попытки обнаруживается все яснѣе и яснѣе, пока выступающія до очевидности противорѣчія между наукой и вѣрой не дѣлаютъ послѣдней совсѣмъ неприемлемой. Въ практическомъ отношеніи религія оказывается продуктомъ общественнаго настроенія, ближе—буржуазно-капиталистическаго строя, въ которомъ угнетенные классы, лишенные средствъ существованія, всю свою надежду возлагаютъ на Бога и будущую жизнь, гдѣ чають найти совершеннѣйшій порядокъ. Соціализмъ, освобождая человѣка отъ гнета правителей и власти капитала, обѣщая рай на землѣ и достаточность для этого же самаго человѣка, очевидно, дѣлаетъ религію ненужной и объявляетъ даже вредной въ сказанномъ отношеніи.

Насколько ложно первое утвержденіе, что религія является теоретическимъ недомысліемъ, можно видѣть изъ безчисленнаго примѣра ученыхъ, при всей своей высокой интеллигентности, не отказавшихся отъ религіозной вѣры. Приведенныя въ книгахъ Деннерта и Табрума, многочисленныя отзывы умершихъ и современныхъ ученыхъ показываютъ, что корифеи научнаго знанія, за весьма рѣдкими развѣ

исключеніями, всегда были религіозными. Наоборотъ, чѣмъ ниже уровень интеллигентности, особенно при поверхностномъ дилетантскомъ отношеніи къ наукѣ, тѣмъ меньше серьезности можно наблюдать и въ отношеніи религіи. Невѣріе всегда плодится въ недалекихъ умахъ, съ узкими горизонтами, не имѣющихъ силы совмѣститъ религію и науку, какъ двѣ совершенно отличныя, касающіяся другъ друга лишь въ немногихъ точкахъ, области. Словомъ, говорить о томъ, противорѣчить ли религія наукѣ, предоставимъ ученымъ, а не малограмотнымъ подчасъ атеистамъ, подобно тому, какъ судить о томъ, противорѣчить ли религіи наука, могутъ лишь люди вѣрующіе, а не безразлично относящіеся къ религіи.

Посмотримъ теперь, насколько правильна оцѣнка религіи въ другомъ изъ указанныхъ направленій, т.-е. практическомъ. Прежде всего требуется отмѣтить, что религія не есть исключительно продуктъ и факторъ общественной жизни. Въ меньшей степени она является личнымъ дѣломъ; недаромъ вѣдь свобода совѣсти, предоставляющая каждому вѣровать и молиться посвоему, есть именно свобода въ религіозномъ отношеніи. Поэтому отказаться отъ религіи не значитъ отречься отъ извѣстной политической партіи, а такой отказъ можетъ обозначать собою, только или вмѣстѣ съ тѣмъ, отреченіе отъ извѣстной группы идей и переживаній, потерю человѣчности въ угоду партійности. Всякій человѣкъ, помимо того, что онъ является, по мнѣнію Аристотеля, „общественнымъ животнымъ“, съ нивелированной соціальной организаціей фізіономіей, онъ представляетъ собою живую творческую личность, страдающую или захлебывающуюся отъ радости, борющуюся съ недостатками и въ этой борьбѣ падающую или побѣждающую. Отречься отъ внутренней жизни, значитъ дѣлаться какимъ-то автоматомъ, механизировать себя, входить въ жизнь какимъ-то бездушнымъ атомомъ. Наоборотъ, принимать жизнь во всей полнотѣ и богатствѣ психическаго содержанія — значитъ чувствовать себя живымъ членомъ человѣческой семьи, одною изъ безконечныхъ монадъ космическаго цѣлага, микроскопической, но все же одушевленной клѣточкой вселенной. Въ этомъ смыслѣ религіи принадлежитъ первое, самое почетное, мѣсто. Она больше, чѣмъ наука, искусство и мораль;

поднимаетъ челоуѣка надъ пошлостью жизни, надъ сѣренькой дѣйствительностью, со всей ея классовой борьбой и партійными интересами. Въ ней челоуѣкъ находитъ свои глубочайшія радости и ею излѣчиваетъ самыя жестокия душевныя муки. Отсюда онъ получаетъ неистощимый запасъ энергіи, рѣшеніе безпокоящихъ умъ „проклятыхъ“, по выраженію Надсона, вопросовъ и здѣсь же, наконецъ, онъ научается цѣнить жизнь, какъ наибольшее земное благо. Но это только субъективная сторона индивидуальной цѣнности религіи.

Помимо ея есть еще объективная сторона, которой челоуѣкъ обращенъ къ внѣшнему, существующему помимо него, міру. Пусть челоуѣкъ отрицаетъ Бога, загробный міръ, самое существованіе души и т. д., но не можетъ же онъ, не дойдя до крайней степени безумія, отвергать великій по своему значенію, какъ прекращающій жизнь на землѣ въ качествѣ обитателя этой планеты, и всеобщій фактъ смерти; рано или поздно, хочетъ этого челоуѣкъ или не хочетъ, онъ сталкивается съ нимъ. Мудрый челоуѣкъ, предусмотрительный обыкновенно загодя обдумываетъ, какъ и все прочее, этотъ неизбѣжный конецъ, въ то время, какъ глупый, близорукій и робкій челоуѣкъ не хочетъ считаться съ нимъ, пока не будетъ захваченъ имъ неожиданно. Такъ или иначе, за много лѣтъ впередъ или въ самый моментъ, челоуѣкъ не можетъ не вопрошать себя о томъ, что послѣдуетъ съ нимъ послѣ смерти, подобно тому, какъ свободно подошедшій или прижатый къ двери невольно думаетъ о томъ, что ожидаетъ его за этою дверью. Вѣдь отрицаніе безсмертія есть только одна изъ гипотезъ, которою умъ челоуѣка, по большей части извращеннаго, живущаго матеріальными интересами, механизировавшаго свое участіе въ жизни цѣлаго, отвѣчаетъ на вопросъ о смерти. Если, благодаря таинственности будущаго, сокровенности могилы, если, какъ говорятъ сами атеисты, никто не приходитъ изъ загробнаго міра, мы не знаемъ, что ожидаетъ насъ послѣ смерти, если поэтому одинаковъ рискъ продолженія существованія за гробомъ и окончанія его вмѣстѣ со смертью, то гипотеза отрицанія безсмертія имѣетъ, во всякомъ случаѣ, не больше шансовъ на вѣроятіе, чѣмъ противоположная вѣра въ посмертную жизнь, и принятіе того или другаго положенія

зависитъ исключительно отъ свободы каждаго, отъ соответствія его прочимъ убѣжденіямъ той или другой личности. Какъ же атеизмъ хочетъ, чтобы всѣ люди одинаково приняли гипотезу, отрицающую безсмертіе, разъ она сама по себѣ не имѣетъ въ себѣ никакой логической или моральной принудительности? Не значить ли это—навязывать человѣчеству спорныя, а быть можетъ и ложныя мнѣнія, возводить въ законъ и истину предвзятыя и быть можетъ ошибочныя сужденія? Возмущаясь противъ такого насилія надъ душою, нужно указать далѣе, что коль скоро мы предоставимъ каждому имѣть свое мнѣніе по этому вопросу, мы тѣмъ самымъ открываемъ для него возможность содержать извѣстную религію, всего болѣе отвѣчающую его индивидуальнымъ склонностямъ, такъ какъ всякая религія послѣ всего устремлена на загробную жизнь. Самая свободная отъ страха смерти — христіанская религія однимъ догматомъ Воскресенія уже имѣетъ эсхатологическій интересъ.

Сюда же, къ объективной сторонѣ, нужно отнести и вѣру въ Бога, составляющую главное содержаніе всякой вѣры. Если атеистъ не вѣритъ въ Бога и не чувствуетъ Его—это еще не значить и не можетъ значить, что Бога нѣтъ и всѣ должны быть безрелигіозны, какъ и онъ. Если глухой не слышитъ чудныхъ звуковъ рояля, на которомъ разыгрывается восхитительная мелодія Моцарта или Бетховена, вѣдь это не обяываетъ другихъ быть глухими и не дѣлаетъ рояль и разыгрываемую на немъ мелодію несуществующими, а названныхъ великихъ музыкантовъ и никогда не существовавшими. Многострунная рояль—это одаренная многоразличными талантами душа человѣческая, въ которой слышится иногда небесная музыка, разыгрывается вдохновенная Божественнымъ Композиторомъ мелодія, и отрицать все это самому или внушать на основаніи собственной глухоты другимъ подобное отрицаніе также глупо, какъ въ первомъ случаѣ. Если наша душа подобна разбитому инструменту, на которомъ не захотѣлъ бы играть не только Бетховень или Моцартъ, но плохой, лишь разбирающійся въ нотахъ, музыкантъ: ужели мы должны воспретить музыкальную игру вообще на хорошихъ и посредственныхъ инструментахъ безразлично, а вѣдь воинствующій атеизмъ нашего времени

проповѣдуетъ такое именно запрещеніе, какъ послѣднее слово цивилизаціи!

Наконецъ, и для общественной, единственно цѣнной современнѣмъ атеизмѣ, жизни религія не безразлична и отнюдь не вредна. Религіозный человѣкъ и безнравственный—уродливое явленіе, отталкивающее, благодаря непоследовательности принциповъ и поведенія. Религія уже по тому одному заслуживаетъ уваженія, что предписываетъ высшую мораль и возлагаетъ на человѣка большія обязанности въ отношеніи къ обществу, не ограничивающіяся соблюденіемъ правовыхъ нормъ, но и опредѣляющія даже характеръ желаній, чувствъ и помысловъ, словомъ, всего внутренняго настроенія въ отношеніи другого человѣка, требованіемъ любви къ нему такой же, какъ къ самому себѣ. Оттого-то, что такъ тяжелы требованія религіи, ее и приходится игнорировать, лукаво оправдывая себя различными мотивами, вродѣ указанныхъ выше. Наоборотъ, атеистъ и нравственный человѣкъ такое же ненормальное явленіе, какъ и вѣрующій негодяй, опять по той же непоследовательности посылокъ: отрицаніе Бога, безсмертія и души съ одной стороны и слѣдствій: честности, правдивости, человѣколюбія. Оттого-то нашъ невѣрующій міръ такъ лукавъ, подлъ и злобно-жестокъ въ отношеніи не только враговъ, которыхъ христіанство заповѣдуетъ любить, но и братьевъ. Общество, состоящее изъ однихъ атеистовъ, руководящихся исключительно матеріально-животными и политически-утилитарными соображеніями, должно представлять собою не столько человѣческую, сколько звѣрски-дикую, вооруженную до зубовъ, массу. Таковъ общественный идеалъ атеизма. Нельзя же думать, что человѣкъ будетъ уважать жизнь и права другого, руководясь исключительно внѣшней для него организаціонной необходимостью. Только въ томъ случаѣ возможна нормальная общественная жизнь со всеѣмъ ея благоустройствомъ, когда члены общества руководятся высокими этическими, гуманитарно-альтруистическими и поддерживающими ихъ еще болѣе глубокими религіозными стимулами; только общество вѣрующихъ людей способно быть во всеѣхъ отношеніяхъ благоустроеннымъ и счастливымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ мѣста не только убійству, но и гнѣву или зависти, порождающимъ убійство; такъ какъ членъ такого

общества мнитъ себя отвѣтственнымъ не передъ судьей лишь, карающимъ видимое преступленіе, а и передъ Богомъ и своею совѣстью, которымъ открыты тончайшія движенія человѣческаго сердца. Итакъ, религія, какъ въ теоретическомъ, такъ и практическомъ отношеніи является оправданной и должна по праву занимать подобающее ей главенствующее значеніе въ нашей жизни. Она является могучимъ и положительнымъ факторомъ сколько личной, столько же и общественной жизни. Что же дѣлаетъ атеизмъ, стремясь ее уничтожить? Онъ посягаетъ не только на лучшее и возвышеннѣйшее благо человѣка, святыню его сердца, послѣднее прибѣжище въ отчаяніи и смерти, но и величайшую одухотворяющую силу, важнѣйшій факторъ культуры.

А. Туберовскій.
